

Манифест читателя

Часто даже опытный читатель не знает, где начинается литература (в ритуале, мифе или его кризисе?) и где заканчивается. Тревожащая размытость границ — залог растущего объема полномочий. Есть или нет литература в Священном Писании? "Размышления Марка Аврелия" и византийская "Лествица" — в истории философии и нравственного богословия или справедливо присутствуют в учебниках по античной и средневековой литературе? Или удел лите-

Алексей ТАТАРИНОВ

Литература не должна проиграть

ратуры в создании особого пространства, где встреча с событием, наслаждение красотой мира и зарождающаяся мысль о спасении души могут быть одним действием? Не только могут, но и должны?

...Преподают, издают, официально прославляют... Но жива ли художественная литература, есть ли у нее перспективы в стремительно меняющемся мире? Атакуют современные рационалисты: "...Лишь устаревшая классика и никому не нужные новые книги. Литературный текст — избыточный, безнадежно тормозной способ захвата информации, препятствие на пути нового человека. С его иными скоростями, другими запросами, при отсутствии времени на эту устаревшую, пыльную виртуальность". С другого фланга нападают воины: "Нет! Литература — перенос жизненной битвы со всеми рисками и высокими эмоциями в бумажные, ограниченные книжностью пределы. Пока ты — потенциальный герой — выпадешь в чтение, враг делает свое черное дело". Присоединяются священнослужители: "Литература — ваша художественная — это бездействие в сфере духа, неспособность к поступку покаянному и дурная фантазия при очень внимательном созерцании чужих подвигов и падений".

Да и многие филологи наших дней пребывают в плохом настроении: "Нас давно победили, мы бесполезны. Кругом агрессивный "постмодернизм" и усиливающаяся бюрократия. Мы все слабее и старше, все меньше верим в слово. Студенты нового века — не надежда и закономерная смена, а знак деградации. Читают по кратким содержаниям, читают без всякого желания, вообще не читают..."

...Долой уныние! Литература — уникальное поле битвы. Здесь полководцы не только пытаются пленить или уничтожить врага, но проговариваются, неизбежно пробалтываются о своих самых уязвимых местах. Это особенно верно для прозы нашего времени. Не каждый современный текст — русский или зарубежный — позволяет взойти на вершины красоты и нравственной глубины. Но я не встречал бесполезного произведения, написанного в XXI веке. Какая мощная каталогизация новейших угроз! Какой эпос встреч с пустотами, льдом и мраком, образовавшимися в мировоззренческих кризисах рубежа тысячелетий! Когда читаешь Людмилу Улицкую или Дмитрия Быкова, словно разговариваешь с крепко выпившим разведчиком. Он действительно многое знает и понимает, многое здесь не любит, и вот теперь честно, не утаивая деталей, рассказывает, что и почему. Слава литературе, заставляющей мировоззренческих противников публично исповедаться!

У защитников литературы всегда под рукой простые аргументы. Художественная словесность — область воспитания, вхождение в национальный миф, познание русского мира, уверенное пребывание в нем. Это лучший тренажер для развития памяти, ума и сердца. Житейский опыт и одновременно незабываемые встречи с красотой. Лучшие герои благоверно влияют на читателя, ненавязчиво проповедают озвучивают. Благодаря художественным текстам мы не проваливаемся в избыточный прагматизм и не угасаем, не скисаем в бытовых контекстах. Да, литература — это сверхбытие. По отношению к "повседневности" — несомненная вертикаль. Не так уж мало — в мире, где можно свинуться от служения пышной обыденности и благоустраенности.

Двигаясь от простых аргументов к более сложным, хочу сказать о "дидактике формы". При бездумных скоростях нашего времени сокращение любой истории до анекдота, афоризма или клипа становится нормой. Сознание экономит силы там, где требуется внимание, анализ происходящего, необходимость тратить — время и мысли. Большая книга терапевтически обращается к современному человеку самим сюжетом — сложным, сочетающим события и речи, которые нельзя пролистать, от которых невозможно отмахнуться. "Дидактика формы" — в протязании произведения. Романа, прежде всего. Есть в этой протязности призыв к дисциплине ума. В состоявшейся истории есть и противопоставление суете — влияющему демону рубежа тысячелетий. Человек читающий — на пути владения собой; в продуманном построении текста вижу возможность создания себя, способность к обретению сюжетно-композиционной гармонии внутри собственной жизни. Перефразируя и споря с эллинистическим поэтом Каллимахом, скажу: "Большая книга — защита нашей человечности".

Литература — это мирооправдание. Оправдание мира в совершенных формах красоты. Древние греки, осваивая искусство трагедии, предложили слово "катарсис". Бытие словно нуждается в из-

ломах, чтобы быть осознанным и парадоксально принятым. Зрителю страшно, душевно больно — ...и страшно интересно в осознании человеческой участи, в переосмыслении великого героя и тебя самого. В этой точке осмысленного, возвышающего над прахом страдания. Трагический катарсис — создание эмоциональной и нравственной вертикали при четком осознании, что от судьбы и смерти не уйти. Пойманный сюжетом, художественным словом хаос перестает быть разрушительным явлением. Жизнь, отразившаяся в зеркале эстетики, еще раз призывает прожить её достойно.

В расширенном толковании катарсис — общее условие существования литературы. Можно вести речь о прагматическом катарсисе (его вершина — канонические Евангелия): в самом произведе-

но... — не только нравственно, но и юридически приговорить любого, кто все еще ищет — движется к Богу, борясь с предложениями сатаны о прекращении пути.

И вот он герой: между расширяющим духовное сознание Отцом и сатаной — идеологом презрения к человеку и мастером рационализации, логически доказанного отвержения Небес. Рядом лютые товарищи — фарисеи. Они не существуют без осуждения любого свободного движения к истине. То, что приходит к герою, который вырывается из "дружеских" лап, отвергает искушения сатаны и движется к Богу, можно назвать крестом.

Интрига не в том, чтобы схватить и везде предьявлять данную схему — отрицать религиозное фарисейство и... одновременно стать его

представителем в области словесности. Интрига — в живом характере истории, объединяющей Бога, сатану, героя и фарисеев. Дух и его противник, Голгофа и тот, кто поднимается на нее, — в каждом произведении разные, демонстрирующие исключительный опыт спасения от зла.

Возможно, литература — главный антифарисей-

тью. Всемирная литература полна надежды — жертвуя собой, герой вытаскивает нас из трясины уныния и мизантропии.

Основы катарсических эффектов и одновременно высокого, бытийного оптимизма — где они? В области содержания — благородство, ощущение неуничтожимости человека, готовность к жертве, исход из любой упрощающей жизнь формулы, максимальная искренность в познании и подведении итогов этого познания, высота присутствия автора и сила его голоса при возможном отсутствии позитивного героя. В области формы — только в этом произведении явленная несейная жизнь языка, сюжетно-композиционное превращение самых разных движений в гармоничное единство, но завершающееся с самим текстом вопрошание о смысле, выстраиваемый в произведении диалог, который охватывает самые разные сферы пребывания человека в мире.

В пространстве взаимодействия читателя с произведением катарсис — зерно бессмертия. Катарсис — изгнание вируса смерти! В платоновской "Апологии Сократа" приговоренный к казни философ учит примерно так: "Тот, кто не причастен к злым делам и мыслям, может быть уверен в своей защищенности. Ни здесь, ни после кончины не произойдет с ним дурного. Не бойся! Мир устроен правильно, можно творить добро без опасения за свою судьбу. Жизнь сильной души бесконечна!". Думаю, что к этой мысли подводит каждое подлинное произведение. Фактом своего творения доказывая силу и светлые перспективы человека. Независимо от присутствия или отсутствия трагизма, от обращения к смежной культуре, от реализации замысла в том жанре или ином.

Я не упрощаю. Лишь пытаюсь сообщить, что миссия литературы — не конкретный идеологический (и даже мировоззренческий) ответ, а вопрос, с которым читатель закрывает книгу, но не покидает обретенный идеино-художественный мир. Духовной интригой обращено к нам произведение. Об одной — возможно, самой продуктивной — скажу особо. Она в "Книге Иоанна", в канонических Евангелиях, в "Песне о Роланде", "Гамлете" и "Фаусте", в "Маленьких трагедиях" и "Братьях Карамазовых".

Вот что здесь происходит. Есть сатана — как герой или дух упрощения. Он ненавидит человека, не верит в его силы и пытается доказать всему мирозданию, что главная задача жителя земли — успокоиться, удовлетвориться, комфортно обустраиваться в прахе, подольше сохраниться в нем. Есть Бог — личность или интуиция текста. Он может и пожелать, должен посылать тяжелые испытания, ввинчивать человека в трагические коллизии. Не ради наказания. Чтобы человек постоянно рос, понимая, что он — не червь и моль, а душа живая, родом из вечности. Также присутствуют мнимые друзья, бесконечно меняющиеся имена Вилдады, Софары, Ефкфазы. Эти фарисеи — борцы с духом и творцы однозначных истин. Они готовы славить Бога и хулить человека в обманчивом смирении. Лишь бы поймай истину, зажать ее в кулаке, превратить в навсегда заученное слово о правде и кривде. То слово, которым мож-

ский проект человечества. Священник Георгий Селин в книге "Загадка 2037 года" (2016) пытается убедить нас в демоническом характере художественного слова. Не без риска отвечу так. В канонических Евангелиях литературность (как свободная, противоритуральная художественность) скрывается во многом. В четырех евангельских повествованиях (а не в одном!), мешающих вынуть краткий рассказ о механизмах спасения. В притчах, ставящих познание в образы выше познания формульного, четким знаком стиснутого. В учении о необходимости очищения внутреннего мира, о спасающей глубине духовного сознания, противопоставленных ветхозаветной теории оценяемого поступка. В организации повествования: Евангелия больше похожи на роман, трагедию, на каскад хорошо пересказываемых эпизодов, чем на свод хорошо-юридических законов. В самой интонации "Евангелия от Иоанна", когда Гречия в ее поэтизации самых серьезных движений человека становится по-настоящему необходимой. В поругании книжников, лицемерных чиновников, отказывающихся от всякой сердечной сложности ради осуждения иных.

Возможно, в утверждении литературы — призыв к завершению многовековой эпохи порождения ересей и одновременно нарастающей борьбы с ними. Приходит иное понимание слова — не страх испачкаться в неправильной речи о самых высоких предметах, а готовность спастись во внутренней форме важнейших сюжетов — в интуиции добра без обязательного произнесения заученных, не доходящих до сердца конструкций.

...Русская литература (добавлю: вся великая словесность) — по слову Михаила Тарковского, "младшая сестра молитвы" — не против христианства. Она ставит вопрос о том, что воскресает в нас, что действительно не подвластно смерти. Каким должен быть внутренний мир, чтобы душа оказалась достойной вечности, соответствовала божественному представлению о человеке. Ведь он не может быть исчерпан своим неизбежным разочарованием в бытовых, социальных и других неизбежно эгоцентрических контекстах.

Художественная словесность препятствует полной победе ритуала и формы, какими бы значимыми и каноничными эти формы ни представляли. Мы видим — и уж точно не раз и не два — как далекий от религии герой на наших глазах поднимается по нравственной вертикали, а заучивший сакральные буквы антигерой вызывает в памяти тягостное движение вниз. Вниз! Несмотря на соблюдение, соответствие и даже иконы по стенам. Шумеро-аккадский Гильгамеш большой христиан, чем крещеная госпожа Головлева из салтыковского романа. Ее сын Порфирий не меньший Иуда, чем евангельский предатель.

Произведение не остается в месте и времени своего создания, каркас филологического или исторически конкретного мироздания здесь символ. Поэтому Гильгамеш не устарел, как устарела религия шумеров. Герой проходит путь от царствования зверга до искателя вечной жизни, постигает цену дружбы и выдерживает удар после утраты друга, бьется с хтоническими монстрами и

учится говорить дурным богиням "нет", полностью сливается с задачей найти истоки бессмертия и терпит героическое поражение на этом пути. Формально, фавбулю Гильгамеш проиграл. При этом одержана литературная победа над смертью, в катарсическом переживании подвига героя — не пессимизм, а предхристианство.

Лишь бы не заиграться, не дойти до противоположной крайности в этой литературно разрастающейся борьбе с фарисейством. Страшнее книжников-лицемеров (готовы превратить жизнь и религию в страшный, юридически действующий комикс!) только неформаль-пустотники (в противовостоянии закону и традиции могут доираться до тотальности уничтожающего смеха и "веселого" сатанизма). Бывает и так: борьба с фарисейством, в том числе на литературном поле может привести к распылению мира, когда ты в осуждении лицемерия полностью, раз и навсегда теряешь представление об устойчивости жизни. Пост-модернизм прошел именно этот путь. Когда читаешь только что вышедший роман Олега Зюберна "Автобиография Иисуса Христа", понимаешь, что есть фигуры не менее тяжкие, чем символические "книжники".

При всей свободе ("апокриф" — не канон!) большая литература — это учение о человеке, о его движении к идеалу. Здесь снова не обойтись без слов о художественном произведении как о структуре. Краткости ради укажу лишь на теоретические работы Вадима Кожина (например, "Роман — эпос нового времени") и на поэзию близкого ему по духу Юрия Кузнецова.

Важно следующее. Литературное произведение в поисках совершенного влияния стремится к гармонии фабулы и сюжета. В фабуле оно отстаивает свою почти материальную плотность как история, ни с чем не сравнимая по значению жизни человека и мира в целом. Сюжет — закономерное усложнение события; переход на иной уровень, когда центристематическая история получает сложный уровень речи — монологического и диалогического слова, создающего музыкальность, полифонию воссозданной в произведении жизни. Если фабула — это желание материальности нашего пути, понятного, сразу заметного героизма, то сюжет — творение внутреннего эпоса, переход от того, что можно пересказать, к тому, что просто пересказать не подлезит.

И в Новом Завете, и в искусстве романа, и в поэтических жанрах — явление идеального человека в гармонии мощной фабулы и сложнейшего сюжета. Как человек внешнего эпоса, он знает, что есть священная обязанность — быть в мире, ценить его, вести борьбу со злом, учитывая историческое, социальное, политическое, то конкретно жертвенное, что всегда связано с поступком. Как человек внутреннего эпоса, он не готов упрощать бытие до лаконичных формул, он ищет не самые простые пути в мир речи, где понимание и прочтение выше духовно-юридического осуждения.

Литература учит быть в мире, но не опускается до его упрощения в том или ином тоталитарном усилении. Литература — один из последних бастионов классического человека. Душа для него — не фантастика и не тагистический орган нашей нравственной виртуальности, который можно легко променять на новые универсалии перманентной технической революции. Будущее классического сейчас нельзя назвать очевидным. Против него, как и против литературы выдвигаются серьезные силы.

Ещё я бы хотел сказать о силе и необходимости дилетантства в мире художественного слова. Толпы никем не читаемых профессионалов! Тонны бесполозных диссертаций, написанных литературоведами, знающими сотни терминов, но не ведающими, зачем Бог и человек породились в слове! Как же важно не стать надутым книжником, хилым литературоцентристом, сохранить живое восприятие произведения, которое зависит от твоего — совсем необязательно научного — слова. Не утратить здоровую нищету духа, не превратить литературу в обязательный предмет! Чтобы подвинуть куда-нибудь к краю эту избыточную, от себя уставшую научность, нужны эссе и рецензии, неожиданные реплики и жанровые эксперименты. Необходимы рискующие дилетанты! В высшем смысле наивные души, которые веруют, что произведение призвано спасти читателя или хотя бы познать его с законами вечной жизни, а не стать объектом очередного заудного описания.

И ещё. Нам не стоит замыкаться в совершенстве национальной литературной традиции, горделиво утверждать, что мы — познали, а Запад — совсем наоборот. Никакого экуменизма — искусственного соединения в лживом кентавре! Однако художественная словесность (впрочем, как и само христианство) — возможность встречи подлинных элит, заинтересованных в завершении олигархического века. Наш русский удар будет совершенным, когда будет нанесен из всей всемирной словесности, при полном понимании, что Сервантес не меньший союзник, чем Достоевский, а духовные искания Камо или Томаса Манна могут дать так же много, как путь Платонова или Булгакова. Гомеровский Ахиллес, шекспировский Гамлет и стендавелеский Жюльен Сорель сражаются на русской стороне.

Между ритуалом и нравственным делом располагается художественное слово. Оно сдерживает высокомерное обособление полюсов — ритуала, стремящегося магически решить главные вопросы, и дела, иронически отрицающего культовые жесты. Литература — дивный апокриф между нерушимым каноном и безответственностью беллетристики — должна помочь нам выжить, выдержать вызовы новейшего времени и стать действительно сильнее. Литература не должна проиграть!

О Всероссийском Дне поэзии

Поэзия из дерзновения человеческого духа, взлёта и парения, поиска сокровенных смыслов и тончайшей нюансировки человеческих чувств превратилась в комбинацию бухучёта, когда легко просчитывается, что появится на страницах якобы ведущих журналов и перманентного премиального процесса, причём лауреа-

Грустный праздник

ты известны в основном членам жюри.

Массовость стихосложения, когда любой может издать книгу, а в интернете так и выложить хоть собрание сочинений, ниводирует поэзию на уровень филателии, или собрания кактусов.

Логоцентричность русских оказалась если не мифом, то сильным преувеличением, и утверждение, что в жизни современного человека поэзия не играет никакой роли (помимо рифмованных поздравилок) не будет сильно грешить против истины.

На фоне вышесказанного праздник: День поэзии 21 марта — выглядит жалким обывателем на биржевых хапуг. О, было конечно проведено огромное количество мероприятий — столько же забавных, сколь и нелепых, когда на вечер из 50 человек придут тридцать поэтов и двадцать их родственников, но... подобные мероприятия проходят постоянно.

Говоря по правде, сам праздник этот также не нужен современному миру, как и поэзия.

Можно ли изменить положение? Траурность ответа однозначна — нет. Ибо, чтобы прозвучало — да! нужен класс высококвалифицированных читателей, а их надо растить, и это долго и сложно, и противоречит делаческому, прагматичному направлению жизни.

Так что... пишете, кто может, печатаетесь, если получается, и... не расчитывайте ни на что, поэты.

С праздником, в общем.

Взаимоотношения советской власти с литературой были очевидны, декларативны, тираничны...

Но — советская власть, со всеми её издержками и перегибами, была рынком ко всеобщей справедливости, возможно, последним подобным рынком в истории человечества, и логично, что идеал справедливости, каким бы он ни представлялся тогдашним властям различного уровня, нуждался в идейном оформлении, данном через разнообразие художественных образов.

Вообще-то лучше иметь хоть какие-то идеалы, чем хотеть при произнесении одного слова — как происходит сейчас, если только прагматизм денежного толка не посчитает за искажённую форму идеала.

Как это ни странно, но литература, судя по всему, может быть востребована только в условиях существования государственной политики в области оной, ибо, лишённая одновременно и господдержки и каких бы то ни было скреп — она разлетается миллионом ничего не значащих брызг...

Класс читателей — людей достаточно развитых эстетически, чтобы отзываться на художественное слово, — подлещит кропотливому формированию — и уничтожается легко, чему мы свидетели ныне, когда читают только те, кто и сами пишут.

Следует ли из этого, что политика государства в отношении литературы была идеальной? Ни в коей мере. Как и сама власть — она была с издержками, перегибами, нелепыми запретами и комическими ограничениями, но — она была. Ибо идеологии денег, которую последовательно проводит государство ныне, литература не нужна вовсе — и впрямь: что ей тут делать? Не оды же спекулянтства слагать...

Отсюда и скромность места, занимаемого литературой в современном социуме, скромность — если не сказать о возможном почти полном отсутствии этого самого места.

А ведь выросли из школьной программы литературу (а это сейчас легко представить), и через поколение вырастут люди, которые о Пушкине и Толстом не будут иметь представления. Вопрос только, какими будут эти люди...

Александр БАЛТИН

XXV Минская международная книжная выставка-ярмарка

Минск, город, который успела полюбить. Неспешные проспекты, приятное Троицкое предместье, космический кристалл Национальной библиотеки. Разноязыкий говор, где выделяется белорусская речь. "Стагоддзе" — вместо нашего столетия, "таксама" — так же, "ласкава запрашаем". Представте только: "ласкава"...

После долгих согласований меня пригласили на XXV Минскую международную книжную выставку-ярмарку — помог Постоянный комитет Союзного государства. Билеты купила сразу: чтобы не сплунуть удачу. И вот я здесь. Не в первый раз. Мне есть с чем сравнивать.

Первое, что бросилось в глаза, — значительно более насыщенная по сравнению с предыдущими годами программа. В ней и посещения музеев белорусских поэтов Ивана Купалы и Якуба Коласа, и вечер сербской поэзии, о котором хочется говорить отдельно, говорить много и тепло. Были и поездки в библиотеки, и посещения конференции на филологическом факультете БГУ, и круглый стол в Союзе писателей, и всё это в рамках симпозиума "Писатель и время".

Приятно удивило и порадовало обилие иностранных писателей, особенно их вовлечение в программу симпозиума. Ещё пару лет назад здесь выступали в основном белорусы и россияне, остальные презентовали книги на стендах своих стран. Но форум растёт и развивается, это невозможно не заметить. Это уже не белорусско-российский литературный обмен мнениями, но широкий взгляд на мировую литературу, разнообразную по жанрам и направлениям.

В этом году в качестве выступавших были охвачены как ближайшие соседи — Польша и Украина, их представляли Славомир Копер, автор многочисленных исторических романов, и Юрий Ковальский — редактор киевского русскоязычного журнала "Радуга" (журнал держит приличные тиражи в 4 тыс. экз.), так и дальние

зарубежье — Италия, Франция, Сербия, Казахстан и Китай.

Приехал Маттео Нуччи — лауреат самой крупной итальянской литературной премии (Premio Strega). В своей речи Нуччи говорил о необходимости создания литературы сложной, не развлекательной, а развивающей критическое мышление. Между мероприятиями форума я побеседовала с Маттео о его новом романе "Следует покориться ночи", о любимых им древнегреческих философах и о Фолкнере, с которым его часто сравнивают критики. Его роман, нашумевший на родине, повествует о перерождении человека за счет отказа от материальных ориентиров. Маттео специально ездил в рыбацкие селения Италии, где погружался в атмосферу местного быта, несущей жизни простых людей, осознанно не стремящихся к современным ценностям прогресса.

Отгреваясь от минских морозов горячим чаем и какао, с удовольствием беседовала с гостями из Латвии — обязательным, по-прибалтийски медлительным, председателем Союза писателей Латвии Арно Юндзе и очаровательной руководительницей программ Союза Эленой Буданцевой. Из разговоров — живых, открытых, в которых не было и следа чиновной чуживости, выяснилось, что проблемы у писателей наших стран во многом схожи. Собеседники рассказывали о функции Союза, как защитника авторских прав, об огромном для такой небольшой страны количестве литературных проектов, поддержке писателей.

На симпозиуме Арно говорил о первостепенной задаче писателя — сохранять родной язык. Ведь государство без своего языка и национальной литературы — это лишь оголощенная территория. И смысл писательских организаций

по мнению латышских коллег прежде всего в помощи автору, в создании условий для рождения новой литературы, которая становится опорой языка и государства. После мероприятий мы делились впечатлениями о путешествии, современных музеях Прибалтики и их новейшими технологиями, русском кино. Договорились

Ласкава запрашаем!

Елена ТУЛУШЕВА

встретиться на Петербургском книжном салоне с новыми идеями и публикациями. Удивительно теплый вечер сербской поэзии в Доме Дружбы тронул многих. Один из выступавших Горан Петрович обратился к писателям с просьбой замедлить темп времени, обратить внимание на красоту жизни.

На вечер читали стихи сербских поэтов и их переводы на белорусский, сделанные Иваном Алексеевичем Чаротой — знаменитым славистом, заведующим кафедрой славянских литератур филофа БГУ и членом Сербской академии наук. Его сын, Алексей Иванович Чарота, главный редактор журнала "Нёман" и заместитель директора издательского дома "Звезда", лично курировал весь процесс писательского форума, бережно заботясь о полноценности включенности в программу всех участников.

На симпозиуме много говорили о проблемах литературы. Проблемы есть всегда, однако важны были конкретные предложения. Максим Замшев, главный редактор "Литературной газеты", освещающей новости литературы и России и Белоруссии, говорил о наступлении эпохи варварства, как о некоей попытке начать все сначала. Литература советская рухнула, затем рухнула и литература антисоветская. Замшев предлагает, что наш литературный рынок находится сейчас на варварском первобытном уровне. Невозможно использовать рыночные механизмы для формирования культуры, литера-

тура — это всегда работа ради первенства страны, а не ради прибыли, что давно уже поняли ангосаксы.

О тех же проблемах говорили и белорусские коллеги. Председатель Союза писателей Беларуси Николай Чергинец со вздохом отмечал отношение чиновников к людям литературы: писатель — не профессия.

И такой подход сразу многое объясняет в современном положении авторов и литературных журналов. Чергинец говорил об этом с болью, отмечая, что литература всегда была лекарем в период войн и тяжелых смут.

Приятно удивило широкое представительство российских регионов. Если прежде выступали в основном московские авторы и редакторы, то на этот раз пригласили писателей из регионов: Адама Ахматукаева из Чечни, Роберта Миннуллина из Татарстана, Валери Тургая из Чувашии, Юрия Щербакова из Астраханской области.

Они говорили о прямых литературных контактах с Белоруссией, о переводах белорусских авторов на национальные языки, двусторонних изданиях поэтических сборников. Все эти инициативы хоть и поддерживаются лишь самими писателями и переводчиками, однако продолжают жить и давать плоды. В российских регионах организуют институты переводов, собирают материалы об истории взаимодействия с Белоруссией, поддерживают новые контакты.

Такие речи воодушевляют, дают надежду на развитие литературного дела. На фоне наших российско-белорусских проблем особый интерес вызвало выступление китайской писательницы Вен Чжень. Она с гордостью заявила об активном интересе их страны к мировым литераторам. Правда, она оговорила, что исторически такой интерес был обус-

ловлен желанием знать и победить соперника. Но, будем надеяться, в литературе подобная война никогда не развернется.

Сегодня китайская литература сама становится объектом пристального изучения. Об этом содержательные размышления талантливого белорусского писателя Аlesia Бадака в газете "Литература и мастацтва" (аналог нашей "Литературки"), изданной к Минской выставке. В частности, упоминалось имя нобелевского лауреата Мо Ян.

Мне удалось не только выступить в рамках симпозиума, но и пообщаться с белорусскими друзьями. Особенно теплым было общение с Владимиром Саламаховым — известным белорусским прозаиком и моим дорогим переводчиком, трепетно берущимся за каждый мой новый рассказ. Какой импульс поддержки дают такие встречи!

Успела пообщаться и с совсем молодой моей переводчицей Юлией Алейченко, которая уже занимает должность ответственного секретаря журнала "Полымя".

Приятно, что в Беларуси дают дорогу молодым не на словах, а на деле. Увы, не хватало мне голоса молодых на самом симпозиуме. Хотелось, чтобы говорили они громче, заявляли о себе, чтобы мы слышали их имена, могли знакомиться с текстами, обсуждать их.

Для меня основным лейтмотивом этого форума стала идея сблизить мировые литературы, познакомиться писателей из разных стран, дать им возможность общаться, обсуждать, узнавать друг друга, а, вернувшись домой, — помнить, списываться, встречаться, читать произведения новых друзей.

Если посмотреть на литературу, как на мировую ценность, то писатели призваны выступать некими посланцами своих культур и своих народов, что успешно продемонстрировал симпозиум "Писатель и время" в рамках XXV Международной книжной выставки-ярмарки в Минске.